

ВИКТОР ДРАГУНСКИЙ

ЗЕЛЁНЧАТЫЕ
ЛЕОПАРДЫ

Издательство „Детский мир“

1963

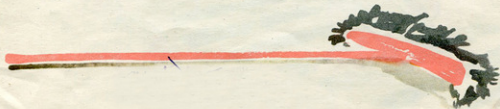

Виктор Драгунский

Зелёные леопарды

РИСУНКИ Н. КОНОВОВОЙ

Издательство „Детский мир“
Министерства культуры РСФСР
Москва — 1983

Куриный бульон

Мама принесла из магазина курицу, большую, синеватую, с длинными костлявыми ногами. На голове у курицы был большой красный гребешок. Мама повесила её за окно и сказала:

—Если папа придёт раньше меня, пусть сварит. Передашь?

Я сказал:

—С удовольствием!

И мама ушла в институт. А я достал акварельные краски и стал рисовать. Я хотел нарисовать белочку, как она прыгает в лесу по деревьям, и у меня сначала здорово выходило, но потом я посмотрел и увидел, что получилась вовсе не белочка, а какой-то дядька, похожий на Мойдодыра. Белкин хвост получился, как его нос, а ветки на дереве, как волосы, уши и шапка... Я очень удивился,—как могло так получиться, и когда пришёл папа, я сказал:

—Угадай, папа, что я нарисовал?

Он посмотрел и задумался:

—Пожар?

Я сказал:

—Ты что, папа? Ты посмотри хорошенько!

Тогда папа посмотрел как следует и сказал:

—Ах, извини, это, наверное, футбол...

Я сказал:

—Ты какой-то невнимательный! Ты, наверно, устал?

А он:

—Да нет, просто есть хочется. Не знаешь, что на обед?

Я сказал:

—Вон, за окном курица висит. Свари и съешь!

Папа отцепил курицу от форточки и положил её на стол.

Он сказал:

—Легко сказать сварить! Сварить можно. Сварить—это ерунда! Вопрос, в каком бы виде нам её съесть? Из курицы можно приготовить не меньше сотни чудесных, питательных блюд! Можно, например, сделать простые куриные котлетки, а можно закатить министерский шницель—с виноградом! Я про это читал! Можно сделать таную котлету на косточке—называется „киевская“—пальчики оближешь. Можно сварить курицу с лапшой, а можно придавить её утюгом, облить чесноком и получится, как в Грузии, „цыплёнок табака“. Можно, наконец...

Но я его перебил. Я сказал:

—Ты, папа, сварь что-нибудь простое, без утюгов. Что-нибудь, понимаешь, самое быстрое!

Папа сразу согласился:

—Верно, сынок! Нам что важно? Поесть побыстрее! Это ты ухватил самую суть. Что же можно сварить побыстрее? Ответ простой и ясный: бульон! Куриный бульон!

Папа даже руки потёр. Я спросил:

—А ты бульон умеешь?

Но папа только засмеялся.

—А чего тут уметь?—У него даже заблестели глаза.—Бульон—это проще пареной репы: положи в воду и жди, когда сварится, вот и вся премудрость. Решено! Мы варим бульон, и очень скоро у нас будет обед из двух блюд: на первое—бульон с хлебом, на второе—курица варёная, горячая, дымящаяся. Ну-на брось свою репинскую кисть и давай помогай!

Я сказал:

—А что я должен делать?

—Вот, погляди! Видишь, на курице какие-то волоски. Ты их состриги, потому что я не люблю бульон лохматый... Ты состриги эти волоски, а я пока пойду на кухню и поставлю воду кипятить!

И он пошёл на кухню. А я взял мамины ножницы и стал подстригать на курице волоски по одному. Сначала я думал, что их будет немного, но потом пригляделся и увидел, что очень много, даже чересчур. И я стал их состригать, и старался быстро стричь, как в парикмахерской, и пощёлкивал ножницами по воздуху, когда переходил от волоска к волоску.

Папа вошёл в комнату, поглядел на меня и сказал:

—С боков больше снимай, а то получится под бокс!
Я сказал:

—Не очень-то быстро выстригается...

Но тут папа вдруг как хлопнет себя по лбу:

—Господи! Ну и bestолковые же мы с тобой, Дениска! И как это я позабыл! Кончай стрижку! Её нужно опалить на огне! Понимаешь? Так все делают. Мы её на огне подпалим, и все волоски сгорят, и не надо будет ни стрижки, ни бритв! За мной!

И он схватил курицу и побежал с нею на кухню. А я за ним. Мы зажгли новую горелку, потому что на одной уже стояла кастрюля с водой, и стали обжигать курицу на огне. Она здорово горела и пахла на всю квартиру палёной шерстью. Папа поворачивал её с боку на бок и приговаривал:

—Сейчас, сейчас! Ох, и хорошая курочка! Сейчас она у нас вся обгорит и станет чистенькая и беленькая...

Но курица, наоборот, становилась какая-то чёрненькая, вся какая-то обугленная, и папа, наконец, погасил газ.

Он сказал:

—По-моему, она как-то неожиданно прокоптилась. Ты любишь копчёную курицу?

Я сказал:

—Нет. Это она не прокоптилась, просто она вся в саже. Давай-ка, папа, я её вымою.

Он прямо обрадовался:

—Ты молодец!—сказал он.—Ты сообразительный. Это у тебя хорошая наследственность. Ты весь в меня. Ну-ка, дружок, возьми эту трубочистовую курицу и вымой её хорошенько под краном, а то я уже устал от этой возни.

И он уселся на табурет. А я сказал:

—Сейчас, я её мигом!

И я подошёл к раковине и пустил воду, подставил под неё нашу курицу и стал тереть её правой рукой изо всех сил. Курица была очень горячая и жутко грязная, и я сразу запачкал свои руки до самых локтей. Папа покачивался на табурете.

—Вот,—сказал я,—что ты, папа, с ней наделал. Совершенно не отстирывается... Сажи очень много.

—Пустяки,—сказал папа,—сажа только сверху. Не может же она вся состоять из сажи? Подожди-ка!

И папа пошёл в ванную и принёс мне оттуда большой кусок земляничного мыла.

—На,—сказал он,—мой как следует! Намыливай!

И я стал намыливать эту несчастную курицу. У неё стал какой-то совсем уж дохловатый вид. Я довольно здорово её намылил, но она очень плохо отмыливалась, с неё стекала грязь, стекала уже, наверно, с полчаса, но чище она не становилась.

Я сказал:

—Этот проклятый петух только размазывается от мыла.

Тогда папа сказал:
—Вот щётка! Возьми-ка, по-
три её хорошенько! Сначала
спинку, а уж потом всё осталь-
ное...

Я стал тереть. Я тёр изо
всех сил и в некоторых местах
даже протирал кожу. Но мне
всё равно было очень трудно,
потому что курица вдруг словно
оживала и начинала вертеться у
меня в руках, скользить и каж-
дую секунду норовила выска-
чить. А папа всё не сходил со
своей табуретки и всё коман-
довал:

—Крепче три! Ловчее! Держи за крылья! Эх ты! Да
ты, я вижу, совсем не умеешь мыть курицу. Я тогда сказал:

—Папа, ты попробуй сам!

И я протянул ему курицу. Но он не успел её взять, как
вдруг она выпрыгнула у меня из рук и ускакала под
самый дальний шкафчик. Но папа не растерялся. Он сказал:

—Поддай швабру!

И когда я подал, папа стал шваброй выгребать её из-
под шкафа. Он сначала оттуда выгреб старую мышеловку,
потом моего прошлогоднего оловянного солдатика, и я
ужасно обрадовался, ведь я думал, что совсем потерял
его, а он тут как тут, мой дорогой.

Потом папа вытащил, наконец, нашу курицу. Она бы-
ла вся в пыли. А папа был весь красный. Но он ухватил
её за лапку и поволок опять под кран. Он сказал:

—Ну, теперь держись, Синяя птица.

И он довольно чисто её прополоснал и положил в ка-
стрюлю. В это время пришла мама. Она сказала:

—Что тут у вас за разгром?

А папа вздохнул и сказал:

— Курицу варим.

Мама сказала:

— Давно?

— Только сейчас окунули, — сказал папа.

Мама сняла с кастрюльки крышку.

— Солили? — спросила она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Но мама понюхала кастрюльку.

— Потрошили? — сказала она.

— Потом, — сказал папа, — когда сварится.

Мама вздохнула и вынула курицу из кастрюльки. Она сказала:

— Дениска, принеси мне фартук, пожалуйста. Придётся всё за вас доделывать, горе-повара.

А я побежал в комнату, взял фартук и захватил со стола свою картинку. Я отдал маме фартук и спросил её про рисунок:

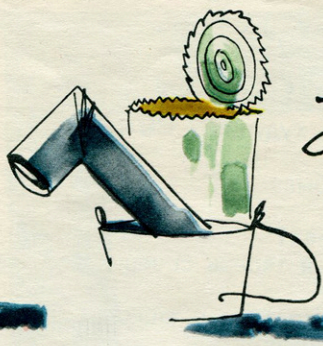
— Ну-на, что я нарисовал? Угадай, мама?

Мама посмотрела и сказала:

— Швейная машинка? Да?

ЗЕЛЁНЧАТЫЕ ЛЕОПАРДЫ

Мы сидели с Мишкой и Алёнкой на песке около домоуправления и строили площадку для запуска космического корабля. Мы уже вырыли яму и уложили её кирпичом и стёклышками, а в центре оставили пустое место, чтобы здесь потом поставить ракету. Я принёс ведро и положил в него аппаратуру.

Мишка сказал:

—Надо вырыть боковой ход—под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Алёнка сказала:

—Я устала! Перекур!

А Мишка сказал:

—Правильно.

И мы сели отдыхать.

В это время из второго парадного вышел Костик. Он был такой худой, прямо невозможно узнать. И бледный, нисколько не загорел. Он подошёл к нам и говорит:

—Здорово, ребята!

Мы все сказали:

—Здорово, Костик!

Он тихонько сел рядом с нами.

Я сказал:

—Ты что, Костик, такой хулуший? Вылитый Нащей...

Он сказал:

—Да это у меня корь была.

Алёнка подняла голову:

—А теперь ты выздоровел?

—Да,—сказал Костик,—я теперь совершенно выздоровел.

Мишка отодвинулся от Костика и сказал:

—Заразный небось?

А Костик улыбнулся:

—Нет, что ты, не бойся. Я не заразный. Вчера доктор сказал, что я уже могу общаться с детским коллективом.

Мишка придвинулся обратно, а я спросил:

—А когда болел, больно было?

—Нет,—ответил Костик,—не больно. Скучно только очень. А так ничего. Мне картинки переводные дарили, я их всё время переводил, надоело до смерти.

Алёнка сказала:

—Да, болеть хорошо! Когда болеешь, всегда что-нибудь дарят.

Мишка сказал:

—Так ведь и когда здоровый, тоже дарят. В день рождения или когда ёлка.

Я сказал:

—Ещё дарят, когда в другой класс переходишь с пятёрками.

Мишка сказал:

—Мне не дарят. Одни тройки! А вот когда корь, всё равно ничего особенного не дарят, потому что потом все игрушки надо сжигать. Плохая болезнь корь, никуда не годится.

Костик спросил:
— А разве бывают хорошие болезни?

— Ого, — сказала я, — сколько хочешь! Ветрянка, например. Очень хорошая, интересная болезнь. Я когда болел, мне всё тело, каждую болявку отдельно зелёной мазали. Я был похож на леопарда, — что, плохо разве?

— Конечно, хорошо, — сказал Костик.

Алёнка посмотрела на меня и сказала:

— Когда лишай, тоже мажут зелёной. Лишай тоже очень красивая болезнь.

Но Мишка только засмеялся.

— Сказала тоже — „красивая“! Намажут два-три пятнышка, вот и вся красота. Нет, лишай — это мелочь. Я больше всего люблю грипп. Когда грипп, чаю дают с малиновым вареньем. Ешь, сколько хочешь, — просто не верится. Один раз я больной целую банку съел.

Мама даже удивилась. Смотрите, говорит, у мальчика грипп, температура 38, а такой аппетит. А бабушка сказала, что грипп разный бывает, это у него такая новая форма, дайте ему ещё, у него организм требует. И мне дали ещё, но я больше не смог есть, такая жалость... Это грипп, наверно, на меня так плохо действовал.

Тут Мишка подпёрся кулаком и задумался, а я сказал:

— Грипп, конечно, хорошая болезнь, но с гландами не сравнить, куда там!

— А что? — сказал Костик.

— А то, — сказал я, — что когда гланды вырезают, мороженое дают потом, для заморозки. Это почище твоего варенья.

Алёнка сказала:

— А гланды отчего заводятся?

Я сказал:

— От насморка. Они в носу вырастают, как грибы, потому что сырость.

Мишка вздохнул и сказал:

— Насморк — болезнь ерундовая. Каплют чего-то в нос, ещё хуже течёт.

Я сказал:

— Зато керосин можно пить. Не слышно запаха.

— А зачем пить керосин?

Я сказал:

—Ну, не пить, так в рот набирать. Вот наберёшь полный рот керосину, а потом палку зажжённую возьмёшь в руки, и керосином изо рта на неё как брызнешь, получается очень красивый огненный фонтан. Я в цирке видел и не понимал, как этот фонтан делается, а мне Гришка объяснил, он всё знает про цирк.

—В цирке лягушек глотают,— сказала Алёнка.

—Ага,— сказал Костик,—и крыс тоже едят! Для смеху!

—И крокодилов тоже!—добавил Мишка.

Я прямо покотился от хохота. Надо же такое выдумать, ведь всем известно, что крокодил сделан из панциря, как же его есть? Я сказал:

—Ты, Мишка, видно, с ума сошёл! Как ты будешь есть крокодила, когда он жёсткий. Его нипочём нельзя прожевать.

—Варёного-то?—сказал Мишка.

—Так тебе и станет крокодил вариться!—закричал я на Мишку.

—Он же зубастый,—сказала Алёнка, и видно было, что она уже испугалась. А Костик добавил:

—Он сам их ест, что ни день, укротителей этих.

Алёнка сказала:

—Ну, да?—И глаза у неё стали, как белые пуговицы. Костик только сплюнул в сторону.

Алёнка скривила губы:

—Говорили про хорошее, про гриба и про лишаев, а теперь про крокодилов. Я их боюсь...

Мишка сказал:

—Про болезни уже всё переговорили. Кашель, например, что в нём толку? Разве вот что в школу не ходить...

—И то хлеб,—сказал Костик.—А вообще вы правильно говорили—когда болеешь, все тебя больше любят. Не сравнить...

—Ласкают,—сказал Мишка,—глядят... Я заметил: ког-

да болеешь, всё можно выпросить, игру какую хочешь или ружьё, или паяльник.

Я сказал:

—Конечно. Нужно только, чтобы болезнь была пострашней. Вот если ногу сломаешь или шею, тогда чего хочешь купят.

Алёнка сказала:

—И велосипед?!

А Костик хмыкнул:

—А зачем велосипед, если нога сломана?

Я сказал:

—Так ведь она прирастёт!

Костик спросил:

—Верно?

Я сказал:

—А куда же она денется. Да, Мишка?

Мишка кивнул головой, и тут Алёнка натянула платье на колени и спросила:

—А почему, если вот, например, порежешься или шиш-

ну набьёшь, или там синяк, то наоборот бывает, что тебе ещё и наподдадут. Почему это так бывает?

Я сказал:

—Несправедливость!—и стукнул ногой по ведру, где у нас лежала аппаратура.

Костик сказал:

—А это что такое вы здесь затеяли?

Я сказал:

—Площадка для запуска космического корабля!

Костик прямо закричал:

—Так что же вы молчите? Прекратите разговоры. Давайте скорей строить!!!

И мы прекратили разговоры и стали строить.

Цена 13 коп.

